

СОВЕРШЕННЫЕ И НЕСОВЕРШЕННЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФРЭНСИСА ХАТЧЕСОНА

А.В. ПРОКОФЬЕВ

Истоки новоевропейской концепции совершенных и несовершенных прав и обязанностей

Разграничение совершенных и несовершенных прав, а равно — соответствующих им обязанностей является сквозной темой новоевропейской этической мысли. Оно призвано ответить на несколько вопросов, имеющих первостепенное значение для субъектов принятия нравственных решений. Во-первых, на вопрос о том, какие моральные предписания и запреты имеют большую силу в случае возникновения ситуативного конфликта между ними. Во-вторых, на вопрос о том, какие моральные требования не предполагают исключений, а какие могут в некоторых случаях не исполняться. В-третьих, на вопрос о том, исполнение каких прав или обязанностей допускает принуждение (применение силы) по отношению к тем людям, которые препятствуют их исполнению. Совершенные права и обязанности, в соответствии с наиболее полным набором их характеристик, обладают нормативным приоритетом, не терпят исключений из очень точно сформулированных предписаний, касающихся содержания поступков и допускают использование силы для их реализации. Несовершенные, напротив, уступают в случае возникновения конфликта с совершенными, предполагают значительную свободу выбора в отношении форм или времени их исполнения, отданы полностью на откуп совести и стыду участников морально значимых взаимодействий¹.

Один из наиболее очевидных истоков этого разграничения — античные классификации добродетелей. Точнее — номенклатура аспектов «нравственной красоты», предложенная Цицероном. Один из них «охватывает узы между самими людьми и как бы общность их жизни» и подразделяется на «справедливость» и «готовность творить добро, которую тоже дозволяется называть либо добротой, либо щедростью»². Справедливость касается защиты личности и собственности человека от покушений, доброта — оказания помощи и материальной поддержки в ответ на заслуги или потребности другого. Справедливость имеет целый ряд свойств, характерных для совершенных обязанностей, доброта — для несовершенных.

Прежде всего, правила справедливости требуют безусловного исполнения. Их необходимо придерживаться вне зависимости от личных обстоятельств потенциального нарушителя, даже если те включают перспективу интенсивного страдания или самой смерти.

«Будучи человеком, увеличить свое достояние, нанеся ущерб другому человеку, более противно природе, чем смерть, бедность, боль, другие беды, которые могут поразить либо наше тело, либо наши внешние блага»³. Основанием подобного вывода служит то, что покушения на личность и собственность ведут к распаду человеческого общества. Напротив, исполнение обязанности «творить добро», по крайней мере, в некоторых ее проявлениях, отдано на усмотрение действующего лица. «Оказать ли его [благоедеяние] или не оказывать – в нашей власти»⁴. В процессе принятия подобных решений центральную роль играет оценка собственных возможностей и тяжести потенциальных потерь. «Но так как средства каждого из нас малы, а людей, нуждающихся в них, бесчисленное множество, то в повседневной щедрости надо держаться в вышеупомянутых пределах, установленных Эннием: “себе не светит хуже”»⁵.

Как категорическое требование каждое из требований справедливости обладает нормативным приоритетом по отношению к требованиям доброты. Даже самое строгое из предписаний, относящееся к сфере последней – предписание благодарности – должно реализовываться в строгих границах, положенных справедливостью: «...не воздать за благодеяние не дозволено честному мужу, конечно, если он может это сделать, не совершая противозакония»⁶. Другой способ выражения приоритета справедливости, используемый Цицероном, таков: «...те же, кто причиняет вред одним людям, чтобы быть щедрыми к другим, совершают такую же несправедливость, как если бы они присваивали себе чужое имущество»⁷.

Мысль о том, что проявления доброты должны быть строго добродельными также присутствует у Цицерона. Тот, кто реализует эту часть нравственной красоты, выступает у него не как полномочный представитель государства, а как собственник, действующий по своему свободному усмотрению. Тот же, кто является получателем благ, напротив, описан как пассивное лицо, не пытающееся задействовать в свою пользу какие-либо из понуждающих общественных институций. Подробное обоснование подобного положения дел разработано другим представителем римского стоицизма – Сенекой. В трактате «О благодеяниях» (между 56 и 64 гг.) он отстаивает следующий тезис: «Наказывать за неблагодарность в отношении благодетеля недопустимо», и приводит три основных аргумента. Два из них носят перфекционистский характер, один – социально-прагматический. Во-первых, наказание за неблагодарность исключает риск со стороны благодетеля, в результате чего «лучшая часть благодеяния пропадает»⁸. Во-вторых, наказание за неблагодарность делает действие благодарного человека необходимым, а такое дело как «воздавать благодарностью... перестает быть благородным, как скоро становится необходимым»⁹. В-третьих, судебные процессы, имеющие целью заслуженное наказание неблаго-

дарных, оказываются невозможными: для их проведения не хватило бы мощности юридической системы, они потребовали бы судей с невообразимо острыми умственными способностями (мудростью), наконец, они потребовали бы предварительно сформулировать строгие критерии сравнения бесконечно разнообразных инициативных и ответных благодеяний, что по определению невозможно¹⁰.

Другим истоком разграничения совершенных и несовершенных прав и обязанностей, по всей видимости, стала средневековая рецепция стоических понятий, отражающих неоднородность нравственного долга. Понятие «совершенные обязанности» использовалось Цицероном в качестве латинского аналога стоического термина «нравственно-правильное» (κατόρθωμα). Для обозначения другого ключевого понятия стоической этики — «надлежащее» (καθήκον) он использовал термин «обязанности обыкновенные» или «средние». При этом он опирался на опыт греческого словоупотребления, в котором использовались понятия «среднего надлежащего» (μέσον καθήκον) и «совершенного надлежащего» (τέλειον καθήκον), причем последнее выступало синонимом слова κατόρθωμα. Все эти концепты (если не учитывать вопрос о «надлежащем по обстоятельствам») относились к одним и тем же требуемым от человека поступкам, но предполагали разную мотивацию их совершения. Как разъясняет современная исследовательница, «„правильное“ содержание, то есть соответствующее человеческой природе, реализуется с “правильной” установкой, то есть ради добродетели, и тогда мы получаем τέλεια καθήκοντα — совершенные нравственно-правильные действия (κατόρθωματα)»¹¹. Христианское переосмысление стоических понятий состояло в том, что два вида обязанностей начали восприниматься как требующие разного поведения¹². Тем самым они приблизились к новоевропейскому смыслу обсуждаемого разграничения. Однако значение конкретных терминов оказалось прямо противоположным: совершенные обязанности раннехристианских авторов охватывали тот массив моральных требований, который в рамках новоевропейской философии морали относился к обязанностям самого несовершенного типа. В силу этого мне представляется, что влияние обсуждаемого процесса на формирование классификации обязанностей в этике естественного закона XVII — XVIII вв. может носить лишь косвенный и вспомогательный характер¹³.

Если более конкретно, то совершенные обязанности стали отождествляться в христианской этике с вменным человеку стремлением уподобиться совершенному божеству. Это высшая планка нравственных требований. Амвросий Медиоланский прямо отождествляет совершенные обязанности с греческим понятием κατόρθωμα и относит сюда рекомендацию Христа богатому юноше: «Продай имение твое и раздай нищим», а также те фрагменты Нагорной проповеди, которые

включают любовь к врагам, молитву за гонителей, благословение проклинающих. Стоическое надлежащее, или средние обязанности, оказались отождествленными с общеобязательным нормативным минимумом. Амвросий использует в этом контексте понятие «обязанности обычные (общие для всех)». Он утверждает, что они «не чужды некоторым недочетов» и вводит следующее их перечисление: «...не убивай, не кради, не прелюбодействуй, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать и люби ближнего твоего как самого себя»¹⁴. В дальнейшем проведенное Амвросием разграничение в существенно дополненном виде обозначалось также с помощью понятий «евангельские советы» и «евангельские заповеди»¹⁵.

Специфически новоевропейское представление о совершенных и несовершенных правах и обязанностях начинает формироваться у Гуго Гроция. Он применил определения «совершенные» и «менее совершенные» не по отношению к обязанностям, а по отношению к правам, которые понимал как «нравственные качества, присущие личности, в силу которых можно законно владеть чем-нибудь или действовать так или иначе»¹⁶. Однако Гроций не создал целостной концепции, связанной с этим разграничением. Лишь у Самуэля Пуфендорфа отдельные утверждения, разбросанные по тексту Гроциева трактата «О праве войны и мира» (1625), были соединены между собой, а употребление понятий «совершенные» и «несовершенные права», равно как «совершенные» и «несовершенные обязанности» приобретает систематический характер. Основной принцип разграничения двух видов прав следующей. Если кто-то не предоставляет нам то, на что мы имеем совершенное право, добровольно, то в условиях естественного состояния дозволено заставить его сделать это, применяя силу, в том числе вооруженную, а в гражданском состоянии — используя правовое принуждение. В случае с несовершенным правом ни то, ни другое недопустимо. Его обеспечение отдано на откуп «совести» и «стыда» отдельных лиц¹⁷. Когда кто-то исполняет совершенное право, он всего лишь не покушается на то, что принадлежит другому, или возвращает ему то, что уже было в его собственности, а, исполняя несовершенные права, он превращает какую-то вещь в «свое» для другого человека. Последнее происходит в случае соблюдения обязанностей благодарности, человечности, благотворительности и т.д.¹⁸

Пуфендорф прямо провозглашает приоритет совершенных прав и обязанностей над несовершенными. Он задается вопросом о том, что надо делать в том случае, если имеют место два закона, которые не противоречат друг другу в общем смысле, но в какой-то конкретной ситуации не могут быть выполнены одновременно, и указывает среди других оснований приоритета на необходимость предпочитать совершенные обязанности несовершенным¹⁹. В качестве примера он обсуждает необходимость выполнить договор займа, которая не по-

звolyет откликнуться на просьбу или исполнить долг благодарности. Причины подобного приоритета, по мнению Пуфендорфа, восходят к различию естественных предписаний. Одни способствуют «само-му существованию» общества, именно они порождают совершенные права и обязанности, а другие – всего лишь его «хорошему существованию» и порождают права и обязанности несовершенно совершенного типа. Комментируя эту мысль, он утверждает также, что истребование несовершенно совершенных прав силой было бы использованием лекарства, более тягостного, чем сама болезнь²⁰. Наконец, Пуфендорф фиксирует неизбежную неопределенность жертв и усилий, связанных с исполнением любого из несовершенно совершенных прав: их величина во многом определяется возможностями действующего лица.

Фрэнсис Хатчесон о совершенных и несовершенно совершенных правах и обязанностях

Фрэнсис Хатчесон заимствует предложенную Пуфендорфом и про-работанную его комментаторами теоретическую схему. Как в раннем «Исследовании о происхождении наших идей красоты и добродетели» (1725), так и в более поздней «Системе моральной философии» (напи-сана около 1737 г., опубликована посмертно в 1755 г.) он воспроизводит ряд вполне традиционных для теории естественного закона тезисов. Совершенные права, по его мнению, «настолько необходимы для блага общества, что всеобщее нарушение их сделало бы человеческую жизнь невыносимой»²¹. Именно поэтому нарушение совершенных прав порождает «право на войну и все насилие, которое необходимо для того, чтобы заставить причинивших вред возполнить ущерб и дать гарантии в отношении недопущения подобных преступлений в будущем»²². Даже в естественном состоянии подобное насилие не является более вредным, чем безнаказанное нарушение совершенного права. Причина в том, что страх насильственного противодействия уменьшает количество попыток совершить правонарушение. В «ци-вильзованном обществе» право наказывать закреплено уже исклю-чительно за правителем²³. В список совершенных прав, используемый Хатчесоном, входят: «...наше право на жизнь, на плоды своих трудов; право требовать соблюдения соглашений в отношении важных во-просов от людей, способных их соблюдать; право направлять свои действия для достижения либо общего, либо безвредного личного блага до того, как мы передали управление ими в той или иной мере другим людям»²⁴.

Несовершенные права «содействуют улучшению и увеличению определенного блага в любом обществе, но не являются абсолютно необходимыми для предотвращения всеобщего несчастья»²⁵. От-сюда следует вывод, что «осуществление таких прав насильствен-ными средствами обычно приводило бы к большему злу, чем их

нарушение»²⁶. Обсуждая несовершенно права Хатчесон дублирует рассуждение Пуфендорфа о том, что исполнение совершенных прав есть возвращение человеку «своего собственного», а исполнение несовершенно – добавление к его имуществу чего-то нового: «Нарушение [несовершенных прав] лишь разочаровывает людей, лишая их того счастья, которое они ожидали от гуманности или благодарности других; но оно не лишает их того блага, которое у них уже ранее было»²⁷. Социально-прагматический тезис Пуфендорфа о том, что насильственная реализация несовершенно прав является «большим злом» (лекарством, которое хуже самой болезни), получает у Хатчесона развернутое объяснение. Он воспроизводит мысль Сенеки о том, что претензии людей, связанные с этим типом прав, трудно соотносить между собой, в особенности, в том, что касается их степени. Однако вывод о негативных последствиях введения правового регулирования в сфере исполнения несовершенно прав оказывается более радикальным. Возникающее при их оценке «разнообразие чувств», по его мнению, не просто перегрузит юридическую систему, но неизбежно приведет к вечной войне²⁸. В списке несовершенно прав у Хатчесона присутствуют: «...право бедных на благотворительность богатых; право всех людей на те услуги, которые не влекут за собой беспокойства или расходов для того, кто их оказывает; право благодетелей на ответную благодарность»²⁹. Оба вида прав, как и у Пуфендорфа, порождают соответствующие им обязанности на стороне тех лиц, которые должны способствовать их соблюдению.

Вместе с тем у концепции совершенных и несовершенно прав и обязанностей Хатчесона есть существенные отличия от линии рассуждения, выстроенной Пуфендорфом. Они, по всей видимости, связаны с философским проектом по разделению собственно морального и правового содержания теории естественного закона и обоснованию равноценного статуса этих явлений. Хотя ни в «Исследовании...», ни в «Системе...» этот замысел прямо не заявлен (в отличие от замысла противодействовать теориям, сводящим нравственность к себялюбию), его декларация присутствует в небольшой работе, предшествовавшей публикации «Исследования...» и вышедшей в качестве его журнального анонса в 1724 г. Она называлась «Размышления об общераспространенных системах морали». В ней Хатчесон утверждает, что «наши позднейшие моралисты в спешке и кое-как рассматривают все предметы, пока они не доходят до доктрины прав и несправедливого ущерба, и подобно теоретикам гражданского права, чья единственная задача состоит в том, чтобы понять, в какой мере своевольные люди и мошенники должны принуждаться силой, они посвящают все свои рассуждения вопросу о совершенных или внешних правах»³⁰. В итоге они сбрасывают со счетов «благородные переживания» («переживания чести и человечности»), видя во всех

людях исключительно «несдержанных негодяев». Однако односторонняя сосредоточенность на вопросе о нравственных основаниях правового принуждения ведет к фундаментальной аберрации теории морали, к искажению представлений о человеческом совершенстве. «Возможность избегнуть тюрьмы и виселицы, — замечает Хатчесон, — является достаточной наградой для той добродетели, которую, похоже, внушают людям многие из наших систем»³¹. Можно сказать, что «общераспространенные системы морали», по Хатчесону, сосредоточены не на этике инициативно и ответственно действующего лица, а на этике реагирующего на нарушения правоохранителя или человека, оказавшегося вне досягаемости для правоохранительного аппарата и вынужденного реагировать на них самостоятельно. Они отождествляют мораль с нормативными минимумами, причем лишь теми, которые могут и должны быть гарантированы силой. Не удивительно поэтому, что в их рамках свидетельством высокого нравственного качества человека является то, что его нельзя на законных основаниях подвергнуть наказанию.

Ответ Хатчесона на эту тенденцию состоит в переосмыслении некоторых аспектов концепции совершенных и несовершенных прав. Оно может быть сведено к трем основным пунктам.

Во-первых, Хатчесон, в отличие от Пуфендорфа, обсуждает необходимость сохранения несовершенных прав в свободной от правового принуждения сфере, не только по причинам, которые связаны с общественным благом, но и в связи с обстоятельствами индивидуально-перфекционистского характера. Так в «Исследовании...» он пишет: «Применение силы в таких случаях лишило бы людей величайшего удовольствия совершать действия из доброты, гуманности, благодарности, которые перестали бы казаться приятными, если бы людей можно было принудить совершать их»³². В «Системе...» присутствует несколько иной разворот той же темы. Здесь обсуждается не лишение людей особого типа удовольствий, а невозможность раскрытия лучших человеческих свойств: «Добрые люди не могли бы раскрыть свою доброту по отношению к другим», поскольку себялюбивые люди в страхе перед принуждением проявляли бы ту же самую или даже большую готовность исполнять права³³. Кроме того, Хатчесон утверждает, что использование принуждения в отношении несовершенных обязанностей устранило бы пространство «естественной свободы»³⁴. Выстраивая эту аргументацию, Хатчесон фактически повторяет перфекционистские аргументы Сенеки, построенные на предположении, что наказание за неблагодарность «портит два предмета, лучше которых ничего нет в жизни человеческой: благодарного человека и благодеяние»³⁵.

Во-вторых, Хатчесон пытается противодействовать тенденции умалять значение несовершенных прав и обязанностей. Для этого

он предлагает использовать не одну, а две шкалы количественной оценки нравственных требований. В соответствии с первой шкалой исполнение несовершенных прав является более важным, чем исполнение совершенных, в соответствии со второй – наоборот. Первая шкала складывается на основе такого критерия, как степень добродетельности деятеля, которая, в свою очередь, определяется внешними и внутренними характеристиками его поступков. Внешняя сторона задана количеством привнесенного в мир добра, внутренняя – силой антиэгоистических мотиваций, порождающих поступок. «Соблюдение совершенных прав других, – пишет Хатчесон, – включает в себе мало добродетели, потому что тем самым момент добра нисколько не увеличивается по сравнению с тем, каким он был раньше, а интерес, ведущий к этому действию, очень велик, включая стремление избежать всех зол войны в первобытном обществе» (более точный перевод – «в природном состоянии») ³⁶. С соблюдением несовершенных прав складывается обратная ситуация: добро прирастает, а личный интерес в совершении действий минимален. Коррелятом добродетельности деятеля, по Хатчесону, является положительная нравственная оценка его поступков: лишь «те действия или услуги, которых другие требуют от нас в силу несовершенного права... по-настоящему заслуживают похвалы» ³⁷. Вторая шкала, в соответствии с которой на вершине находится исполнение совершенных прав, формируется на основе такого критерия, как степень порочности деятеля. Внешняя сторона порочности определяется тем злом, которое причиняют поступки порочного человека, а внутренняя – силой его эгоизма. Коррелятом порочности является моральное осуждение. Нарушение совершенных прав свидетельствует о максимальной порочности человека, нарушение несовершенных – о незначительной ³⁸.

Приведенная выше характеристика двух шкал опирается на текст «Исследования...». В «Системе...» она оказывается существенным образом модифицирована. Здесь фигурируют уже не степень порочности и степень добродетельности деятеля, связанные с соблюдением и нарушением разных типов прав, а сила (святость, высота) права, с одной стороны, и добродетельность деятеля, сопряженная с его соблюдением, с другой. «Права являются тем более святыми, – пишет Хатчесон, – чем больше их важность для общего блага, чем большие беды, проистекают из их нарушения, чем меньше беспокойств и расходов требует их соблюдение, чем большими являются достоинство тех лиц, которые обладают правами, или основания любви к ним. И насколько сильнее определенное притязание, настолько большим является преступление, состоящее в противодействии ему, и настолько же меньшей будет степень добродетели, выражающаяся в подчинении ему» ³⁹. Так, в простом возвращении долгов, в воздержании от оскорблений и насилия, в благодарности за существенные добрые услуги,

в помощи родителям в беде проявляется очень малая степень доброты, однако, противоположные действия оказываются наиболее «отвратительными»⁴⁰.

Таким образом, Хатчесон демонстрирует относительность таких характеристик как «совершенный» и «несовершенный» по отношению к правам (обязанностям). В смысле своей силы и определенности совершенные права и обязанности несомненно «совершеннее» несовершенно совершенных. Однако в том, что касается нравственного совершенства личности, исполняющей их, они, наоборот, существенно уступают им. В этом отношении Хатчесон возвращает актуальность традиции, заложенной Амвросием Медиоланским, и христианскому убеждению в превосходстве евангельских советов над евангельскими заповедями.

В-третьих, Хатчесон стремится показать, что юридическая безнаказанность человека, который истребует свое право и нарушает при этом высокие по ценностному статусу, но не обладающие значительной силой нравственные предписания, не тождественна его моральной безупречности. Для этого Хатчесон корректирует то понимание конфликта прав, которое присутствует у Пуфендорфа. Он утверждает, что совершенные и несовершенно совершенные права не могут конфликтовать между собой, как не могут конфликтовать между собой и права внутри этих групп. Этот вывод вытекает из посылки, что невозможна такая ситуация, при которой «действие, требование или обладание» «необходимы для общего блага или способствуют ему» и, одновременно, нечто противоположное ему тоже «необходимо или способствует достижению той же цели»⁴¹. То, что подчас воспринимается как конфликт совершенных и несовершенно совершенных прав, на деле является конфликтом между несовершенно совершенными правами и другим, специфическим видом прав — «внешними правами».

Последнее понятие заимствовано Хатчесоном у Гроция, хотя в трактате «О праве войны и мира» оно является сугубо вспомогательным и не внесено в основную бинарную классификацию «нравственных качеств»⁴². По определению Хатчесона внешнее право — это «осуществление, требование чего-либо или обладание чем-либо», которое «наносит ущерб обществу в любом частном случае, поскольку это направлено против несовершенно совершенного права другого; и все же, однако, повсеместное лишение людей этой способности делать что-то, обладать чем-то, требовать чего-то или запрещение употребления силы для ее осуществления причинило бы больше вреда, чем все зло, которого можно опасаться при использовании этой способности»⁴³. Среди внешних прав Хатчесон упоминает «право богатого скряги в любое время забрать свой заем у самого трудолюбивого бедного ремесленника; право требовать выполнения соглашения, слишком обременительного для одной из сторон»⁴⁴.

Ключевой для Хатчесона момент состоит в том, что действие человека, беспрепятственно реализующего внешнее право, остается морально предосудительным. Об этом свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, то, что Хатчесон не считает внешние права полноценными правами, предъявление и признание которых являются нравственным долгом, поскольку способствуют общественному благу. Он применяет к этой группе прав такие определения как «внешняя видимость права» или даже «тень права». «Внешняя видимость права, — пишет Хатчесон, — вот все, что остается тогда, когда долг благодарности, дружбы или человечности, требует отступить от того, что иначе было бы совершенным правом»⁴⁵. Тот, кто требует от других исполнить в своем отношении «тень права», вполне может заслуживать порицания. Во-вторых, те люди, которые проявляют уважение к внешнему праву, подчиняются при этом такой мотивации, которая не исключает осуждение его обладателя. Осуждение было бы невозможно, если бы они опирались на «чувство долга в отношении к лицу, которое настаивает на исполнении [прав] вопреки человечности». Однако у них нет, и не может быть такого чувства. Ими руководит не признание того, что исполнение внешнего права способствует общественному благу, а учет того, что противодействие реализации такого права в «отдаленной перспективе» причиняет обществу существенный вред⁴⁶. Эта установка вполне совместима с нравственным осуждением «богатого скряги».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В современной этике разграничение совершенных и несовершенных прав и обязанностей остается важным теоретическим инструментом и обсуждается как на общетеоретическом уровне (см., например: *Rainbolt G. Perfect and imperfect obligations // Philosophical Studies. 2000. Vol. 98. № 3. С. 233 – 256; Sinnott-Armstrong W. You Ought to be Ashamed of Yourself (When you Violate an Imperfect Moral Obligation) // Philosophical Issues. 2005. Vol. 15. № 1. P. 193 – 208; Statman D. Who Needs Imperfect Duties? // American Philosophical Quarterly. 1996. Vol. 33. № 2. P. 211 – 224; Stocker M. Acts, Perfect Duties, and Imperfect Duties // The Review of Metaphysics. 1967. Vol. 20. № 3 P. 507 – 517), так и применительно к частным, прикладным проблемам (см., например: *Igneski V. Perfect and Imperfect Duties to Aid // Social Theory and Practice. 2006. Vol. 32. № 3. P. 439 – 466; Masek L. How Kant's View of Perfect and Imperfect Duties Resolves an Alleged Moral Dilemma for Judges // Ratio Juris. 2005. Vol. 18. № 4. P. 415 – 428; Ohreen D.E., Petry R.A. Imperfect Duties and Corporate Philanthropy: A Kantian Approach // Journal of Business Ethics. 2012. Vol. 106. № 3. P. 367 – 381).**

² *Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1993. С. 63.*

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Там же. С. 68.

⁸ *Сенека. О благодеяниях // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. — М.: Республика, 1995. С. 55.*

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Там же. С. 55 – 56.

¹¹ *Гаджикурбанова П.А.* Этика ранней Стои: учение о должном. – М.: ИФ РАН, 2012. С. 120. См. также: *Гусейнов А.А.* Античная этика. – М.: Гардарики, 2003. С. 216.

¹² У таких авторов как Стобей и Цицерон некоторые формулировки могут создать впечатление, что разные типы долга имеют разное нормативное содержание на уровне требуемых ими поступков. Однако это лишь видимость и следствие не очень аккуратного формулирования мысли (см.: *Гаджикурбанова П.А.* Этика ранней Стои: учение о должном. С. 117 – 120).

¹³ Некоторые исследователи настаивают на существенной роли этого истока, см.: *Schumaker M.* Sharing Without Reckoning: Imperfect Right and the Norms of Reciprocity. – Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 1992. P. 7 – 10; *Torralba J.M.* Stoic *Katōrthōma*, Perfect Duty and Kant's Notion of Acting *aus Pflicht*. The Relevance of the Oikeiōsis Doctrine for the Notions of Moral Good and Inner Attitude (*Gesinnung*) in Kantian Ethics // *Oikeiōsis and the Natural Basis of Morality. From Ancient Stoicism to Modern Philosophy* / ed. by Vigo. – Hildesheim; Zürich; N. Y.: Olms, 2012, P. 295 – 346. Другие его вообще не упоминают (см.: *Schneewind J.B.* The Invention of Autonomy: a History of Modern Moral Philosophy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 78).

¹⁴ *Амвросий, епископ Медиоланский.* Об обязанностях священнослужителей. – М.; Рига: Благовест, 1995. С. 56 – 58.

¹⁵ Другими вспомогательными источниками новоевропейской концепции совершенных и несовершенных прав (обязанностей) стали: обсуждение различий между негативными и позитивными требованиями, а также разрешение вопроса о пределах индивидуального усмотрения при выполнении разных обязанностей в средневековой схоластике.

¹⁶ *Гроций Г.* О праве войны и мира. – М.: Ладомир, 1994. С. 69.

¹⁷ См.: *Pufendorf S.* De jure naturae et gentium libri octo. – Lund: Adam Junghans, 1672. P. 107 – 108.

¹⁸ Ibid. P. 111 – 112.

¹⁹ См.: *Pufendorf S.* De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo. – Cantabrigae: Joan Hayer, 1682. P. 97.

²⁰ См.: *Pufendorf S.* De jure naturae et gentium. P. 107.

²¹ *Хатчесон Ф.* Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах // *Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А.* Эстетика. – М.: Искусство, 1973. С. 242. Специфика Хатчесоновой интерпретации совершенных и несовершенных прав (обязанностей) неоднократно реконструировалась в работах этиков, а также историков философии и экономической мысли (см. например: *Buckle S.* Natural Law and the Theory of Property: Grotius to Hume. – Oxford: Oxford University Press, 1991. P. 215 – 222; *Garrett A.* Frances Hutcheson: From Moral Sense to Spectatorial Rights // *The Concept of Love in 17th and 18th Century Philosophy* / ed. by G. Boros, H. De Dijn, M. Moors. – Leuven: Leuven University Press, 2007. P. 163 – 180; *Haakonssen K.* Natural Law and Moral Philosophy: From Grotius to the Scottish Enlightenment. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 81 – 82; *Hope V.* Virtue by Consensus: The Moral Philosophy of Hutcheson, Hume, and Adam Smith. – Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 34 – 37; *Mousourakis G.* Utility and Rights in Francis Hutcheson Ethical Theory // *Indian Philosophical Quarterly*. 1997. № 4. P. 527 – 542; *Shimokava K.* A Brief History of Post-Lockean Unilateralism: Barbeyrac, Carmichael, and Hutcheson on Property // *Humanities: Christianity and Culture*. 2012. Vol. 43. P. 14 – 18; *Strasser M.* Hutcheson on External Rights // *Philosophical Studies*. 1986. Vol. 49. № 2. P. 263 – 269), однако причины, породившие ее, не становились предметом специального исследования.

²² *Хатчесон Ф.* Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах. С. 243.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Ср.: *Hutcheson F.* A System of Moral Philosophy in Three Books. – Glasgow: R. and A. Foulis, 1755. P. 257.

- ²⁵ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели. С. 243.
- ²⁶ Там же. С. 244.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См.: *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy*. P. 258.
- ²⁹ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели. С. 244.
- ³⁰ *Hutcheson F. Reflections on the Common Systems of Morality // Hutcheson F. On Human Nature*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 105.
- ³¹ Ibid. P. 106.
- ³² Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели. С. 244.
- ³³ *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy*. P. 258 – 259.
- ³⁴ Ibid. P. 259.
- ³⁵ *Сенека*. О благодеяниях. С. 55.
- ³⁶ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели. С. 252.
- ³⁷ Там же. С. 252.
- ³⁸ См. там же. С. 244, 252.
- ³⁹ *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy*. P. 263.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели. С. 245 – 246.
- ⁴² См.: *Гроций Г. О праве войны и мира*. С. 690.
- ⁴³ Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели. С. 245.
- ⁴⁴ Там же. С. 245.
- ⁴⁵ *Hutcheson F. A System of Moral Philosophy*. P. 259 – 260.
- ⁴⁶ Ibid. P. 260.

REFERENCES

- Amvrosii Mediolanskii*. Ob obiazannostiakh sviaschennosluzhitelei. Moskva; Riga: Bagivost, 1995.
- Gagikurbanova P.A.* Etika rannei Stoi: uchenie o dolzhnom. Moskva: IF RAS, 2012.
- Hugo Grotius*. O prave voini i mira. Moskva: Ladomir, 1994.
- Guseinov A.A.* Antichnaia Etika. Moskva: Gardariki, 2003.
- Seneca*. O blagodeianiyakh. Rimskie stoiki: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius. Moskva: Respublika, 1995. S. 14 – 166.
- Hutcheson F.* Issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idei kratosti i dobrodeteli v dvukh traktatakh. *Hutcheson F., Hume D., Smith A.* Estetika. Moskva: Iskusstvo, 1973. S. 41 – 262.
- Cicero*. Ob obiazannostiakh. *Cicero*. O starosti. O družbe. Ob obiazannostiakh. Moskva: Nauka, 1993. S. 58 – 158.
- Buckle S.* Natural Law and the Theory of Property: Grotius to Hume. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Garrett A.* Frances Hutcheson: From Moral Sense to Spectatorial Rights. The Concept of Love in 17th and 18th Century Philosophy. Ed. by G. Boros, H. De Dijn, M. Moors. Leuven: Leuven University Press, 2007. P. 163 – 180.
- Haakonssen K.* Natural Law and Moral Philosophy: From Grotius to the Scottish Enlightenment. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Hope V.* Virtue by Consensus: The Moral Philosophy of Hutcheson, Hume, and Adam Smith. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Hutcheson F.* A System of Moral Philosophy in Three Books. Glasgow: R. and A. Foulis, 1755.
- Hutcheson F.* Reflections on the Common Systems of Morality. *Hutcheson F.* On Human Nature. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 96 – 107.
- Ignieski V.* Perfect and Imperfect Duties to Aid. Social Theory and Practice. 2006. Vol. 32. № 3. P. 439 – 466.

- Masek L. How Kant's View of Perfect and Imperfect Duties Resolves an Alleged Moral Dilemma for Judges. *Ratio Juris*. 2005. Vol. 18. № 4. P. 415 – 428.
- Mousourakis G. Utility and Rights in Francis Hutcheson Ethical Theory. *Indian Philosophical Quarterly*. 1997. № 4. P. 527 – 542.
- Ohreen D.E., Petry R.A. Imperfect Duties and Corporate Philanthropy: A Kantian Approach. *Journal of Business Ethics*. 2012. Vol. 106. № 3. P. 367 – 381.
- Pufendorf S. *De jure naturae et gentium libri octo*. Lund: Adam Junghans, 1672.
- Pufendorf S. *De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo*. Cantabrigae: Joan Hayer, 1682.
- Rainbolt G. Perfect and Imperfect Obligations. *Philosophical Studies*. 2000. Vol. 98. № 3. S. 233 – 256.
- Schneewind J.B. *The Invention of Autonomy: a History of Modern Moral Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Schumaker M. *Sharing Without Reckoning: Imperfect Right and the Norms of Reciprocity*. Waterloo: Wilfrid Laurier Univ. Press, 1992.
- Shimokava K. A Brief History of Post-Lockean Unilateralism: Barbeyrac, Carmichael, and Hutcheson on Property. *Humanities: Christianity and Culture*. 2012. Vol. 43. P. 1 – 25.
- Sinnott-Armstrong W. You Ought to be Ashamed of Yourself (When you Violate an Imperfect Moral Obligation). *Philosophical Issues*. 2005. Vol. 15. № 1. P. 193 – 208.
- Statman D. Who Needs Imperfect Duties? *American Philosophical Quarterly*. 1996. Vol. 33. № 2. P. 211 – 224.
- Stocker M. Acts, Perfect Duties, and Imperfect Duties. *The Review of Metaphysics*. 1967. Vol. 20. № 3. P. 507 – 517.
- Strasser M. Hutcheson on External Rights. *Philosophical Studies*. 1986. Vol. 49. № 2. P. 263 – 269.
- Torralba J.M. Stoic *Katórthōma*, Perfect Duty and Kant's Notion of Acting aus Pflicht. The Relevance of the *Oikeiōsis* Doctrine for the Notions of Moral Good and Inner Attitude (*Gesinnung*) in Kantian Ethics. *Oikeiōsis and the Natural Basis of Morality. From Ancient Stoicism to Modern Philosophy*. Ed. by Vigo. Hildesheim; Zürich; N. Y.: Olms, 2012. P. 295 – 346.

Аннотация

В статье проанализированы исторические корни и специфика концепции совершенных и несовершенных прав и обязанностей Фрэнсиса Хатчесона. Разграничение двух типов прав и обязанностей восходит к таким понятийным оппозициям античного стоицизма как «справедливость» и «доброта», а также «надлежащее» и «нравственно-правильное». Оно полноценно артикулировано в этике естественного закона Самуэля Пуфендорфа. Хатчесон принимает в целом основные характеристики совершенных и несовершенных прав и обязанностей, предложенные Пуфендорфом, однако, вносит свои поправки в его схему. Хатчесон акцентирует роль перфекционистских оснований этой типологии, противостоит принижению значения несовершенных прав и обязанностей, вводит такую новую классификационную нишу, как «внешние права».

Ключевые слова: мораль, этика, совершенные права и обязанности, несовершенные права и обязанности, внешние права, Фрэнсис Хатчесон.

Summary

The paper analyses origins and particular features of Frances Hutcheson's conception of perfect and imperfect rights and duties. This division has its roots in two conceptual oppositions used by Ancient Stoics: «justice» – «beneficence» and «proper function» – «virtuous (perfect) action». It was elaborated in the natural law ethics of Samuel Pufendorf. Hutcheson adopts basic features of perfect and imperfect rights and duties proposed by Pufendorf, but makes some corrections in his scheme. Hutcheson stresses the role of perfectionist foundations of this typology, resists the tendency to underestimate the significance of imperfect rights and duties, and adds to the typology a new type of rights – external rights.

Keywords: morality, ethics, perfect rights and duties, imperfect rights and duties, external rights, Frances Hutcheson.